

Вадим Сухачевский

16+

КАТАСТРОФА

"Хроники Тайного Суда" (1941-1943)

Вадим Долгий (Сухачевский)

Катастрофа

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Долгий (Сухачевский) В. В.

Катастрофа / В. В. Долгий (Сухачевский) — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Это продолжение романов "Экс-доцент" и "Сын палача" из серии "Хроники Тайного Суда". Действуют те же герои. Действие происходит в 1941-1943 гг. Героям предстоит выполнить важное задание на территории оккупированной Польши. Классический шпионский детектив.

© Долгий (Сухачевский) В. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Вместо пролога

* * *

Из статьи «Тайный Суд»,
помещенной в январском номере журнала «Знание» за 1941 г.

...И вот, в ту глубоко феодальную пору, примерно в середине XVI века, в некоторых германских княжествах возникает организация под названием «Тайный Суд». Подчеркнем, что речь идет о временах, когда самого понятия о честном суде и о справедливости в обществе фактически не существовало, все держалось на так называемом «феодальном праве» (т. е. на праве феодалов творить над представителями трудовых классов любой произвол), и только обратившись в этот самый Тайный Суд, простые люди получали хоть какую-то возможность добиться возмездия.

Эти темные люди еще не осознавали, что только революционный подъем народных масс может принести им истинную свободу и справедливость, как это сказано в бессмертном учении К. Маркса и Ф. Энгельса, углубленном гениальными работами В. И. Ленина и И. В. Сталина, ибо только революция...

Конец этого абзаца, как и последующие два, Лаврентий Павлович Берия, читавший эти строки, пропустил, поскольку не любил пустословия. Да и многое из написанного тут он уже знал, поэтому дальше стал выхватывать из журнальной статьи лишь отдельные куски.

...Звание члена Тайного Суда, так же, как и звание палача этого суда, было наследуемым и переходило исключительно от отца к сыну...

...Как правило, выносился смертный приговор, обозначенный одним из пяти слов: «Stock» («палка»), «Stein» («камень»), «Strick» («веревка»), «Gras» («травя»), «Grein» («страдание»), поэтому символом Тайного Суда были пять букв – SSSGG, – наводившие ужас на каждого, кто попадал в его сети...

...и этого барона, приговоренного Тайным Судом, на другое утро нашли прибитого деревянным колом к земле, так как приговор гласил: «Палка»...

...там и обнаружили садиста-виконта с размозженной камнем головой...

...Однако вскоре маркиза нашли. Он был повешен, ибо в приговоре значилось: «Веревка»...

...и там, в пещере, этот польский магнат был вынужден питаться одной травой, пока не скончался от голода...

Народный комиссар перескользнул к последнему абзацу, в котором говорилось:

...но с ростом самосознания масс, с началом революционного подъема, когда угнетенные классы поняли, что их судьба в их собственных руках, Тайный Суд, разумеется, прекратил свое существование...

Дальше, как положено, полдюжины цитат из классиков, и наконец подпись: профессор С. Мудровой.

«Ох, перемудрил ты, С. Мудровой, – подумал нарком, бросая журнал в корзину для ненужных бумаг. – Прекратил свое существование! Как же!..»

Он вспомнил про двоих новопреставленных из собственного ведомства. Оба были засранцами преизрядными, ничуть не было их жаль, любопытно было лишь то, как эти недо-

носки преставились. Одному, понимаешь, кто-то вбил в глотку здоровенный камень, второму воткнули деревянный кол в брюхо. Очень было похоже на проделки этого самого Тайного Суда, от которого ему, наркому, так и не удалось очистить социалистическую Родину.

Да, спаслись тогда каким-то чудом и Васильцев, кочегар-математик, и краля его, Катька эта, английская шпионка миссис Сазерленд (в девичестве Изольская), и палачонок этот, Викентий. С ними еще один из уцелевших «невидимок» был. Как издевательски лихо обвели тогда его, наркома, вокруг пальцев!1

Сгнули, растворились в необъятных просторах Родины, теперь ищи-свищи.

Впрочем, и разыскивать их нарком, по правде говоря, не пытался – было опасение, что накроет их какой-нибудь слишком рьяный особист, выколочит из них всю правду-матку, и выплывет на свет божий то, чему выплывать никак, ну никак не следовало!

Неужто осмелились снова вернуться в Москву и продолжили заниматься этой своей судебной говнистикой?..

Ну да ладно, скоро это будет уже не его забота, пускай теперь Севка Меркулов расхлебывает2. А уж он сам, Лаврентий Павлович как куратор направит его, Севку, в нужное русло – в такое, что в жизни он ни до чего опасного не докопается.

Вот только статья этого С. Мудрового некстати, ох как некстати!

Была даже мысль сиюминутная – немедля обратить долбанного профессора в лагерную пыль, нарком даже руку потянул к телефонной трубке. Однако, покуда рука была в движении, пришла новая мысль – что негоже ему, уже без пяти минут заму председателя Совнаркома, заниматься такой человеческой мелкотой, как этот профессор кислых щей. И вообще при воспоминании о скором, уже решенном назначении настроение у него стало благостным, отчего он убрал руку и подумал почему-то словами, когда-то слышанными от Микитки Хрущева: «Нехай живэ».

* * *

Старшего майора госбезопасности Н. Н. Николаева (это звание он получил на днях) статья о Тайном Суде, напротив, вполне удовлетворила. Пускай себе нарком думает, что Тайный Суд все еще существует, это в некоторой мере прикрывало ту небольшую группу, которую он собрал. Целью этой группы было очистить «органы» от всякой нечисти, расплодившейся там в последние годы.3

Взять того же майора Жереброва: уж совсем с рельсов сошел! Награбил антиквариата у подследственных на целый музей, ради этого, собственно, и отправлял людей в лагеря или «к стенке». Вполне заслуживал того, что получил – камня в глотку. И садист-насильник, капитан госбезопасности Цирик тоже заслужил, чтобы ему засадили осиновый кол в жирное брюхо. Без этих двоих хоть и не намного, но все же легче стало дышать.

Отложив журнал, старший майор Н. Н. Николаев задумался о тех четверых, которых не столь давно спас – о Васильцеве, о Кате, о сыне палача Викентии и об этой девочке с изломанной судьбой, не то Ульяне, не то Полине, сотворенной, как гомункулус, в бесчеловечном проекте «Невидимка».

Он один знал, где они сейчас затаились, но давно уже не имел о них никаких вестей. Неужели так и доживут свой век в тиши?..

Слабо верилось – не те это были люди. Старший майор Н. Н. Николаев почти не сомневался, что пройдет совсем не много времени – и они еще проявят себя.

* * *

Слушая доклад лейтенанта Монины из «Угро», начальник N-ской областной милиции полковник Ничипоренко все более хмурился, поскольку докладывал лейтенант именно о той четверке, поселившейся на окраине их города, в Нахаловке, в самом бандитском районе. Вот

это-то и заботило молодого сыскаря: что там делать приличным с виду людям, школьному учителю с женой и с двумя великовозрастными детьми, парнем и девкой? Может, маскируются, а на самом деле какие-нибудь скупщики краденого или еще какие фармазоны? Надо бы, де, к ним приглядеться, взять под наблюдение.

Что четверка эта непростая, полковник Ничипоренко и так знал, а хмурился он вот отчего. Едва они там, в Нахаловке, обосновались, как явился к нему из Москвы, с самой что ни есть Лубянки, большой начальник, старший майор госбезопасности Николаев и распорядился, чтобы четверку эту здешняя милиция ни под каким видом не трогала, а в награду обещал ему, Ничипоренке, со временем перевод на хорошую должность в столицу нашей Родины. Полковник было спросил – может, им какая помощь нужна, район-то уж больно беспокойный, на что старший майор только усмехнулся:

– Ничего, эти как-нибудь сами за себя постоят. Вся твоя помощь, полковник, в том, чтоб для твоих сыскарей их личностей как бы не существовало. Хорошо меня понял?

Какие уж тут непонятки? Видать, птицы высокого полета, небось какие-нибудь «внедренные», хотя, в общем, не его областного ума это дело, когда сама Лубянка приказывает.

– Так точно, все понял, товарищ старший майор государственной безопасности!

И вот н? тебе – этот не в меру прыткий лейтенант!..

Дослушав его, полковник Ничипоренко спросил:

– А что, Нахаловка – это разве твоя земля?

– Никак нет, товарищ полковник, это я в свободное от службы время.

– Гляжу, времени свободного у тебя больно много.

– Виноват...

– Ладно, ладно. За бдительность благодарю, но дальше занимайся своими делами.

– Есть!

– Без тебя найдется кому этих четверых на заметку взять... А ты, Монин, вот что... Ты, я помню, в Минск хотел перевестись?

– Так точно, там у жены родня живет.

– Вот и лады, нынче же похлопочу о твоём переводе.

– Спасибо, товарищ полковник, уж не знаю как вас и благодарить.

– Ну-ну! Чего ж не пособить, когда хорошо служишь. В общем, готовься передавать дела.

(«А то больно уж у тебя, друг ситный, шило в заднице.»)

* * *

И был еще один человек, который давно уже приглядывался к этой четверке, с прошлой весны поселившейся в N-ской Нахаловке. Когда впервые увидел издали эту девку на городском базаре, подумал: «Неужели же?!.. Не может быть!» Лишь спустя несколько дней, дождавшись, когда она снова пойдет на базар, получше разглядел ее из окна в бинокль и понял: да, она! Теперь не оставалось никаких сомнений.

Как уцелела?.. Насколько ему до сих пор было известно, из тех, кто участвовал в проекте «Невидимка», в живых не осталось никого...

Впрочем, он-то сам остался, хотя с тех пор, как умно обставил свою «смерть», давно уже не числился в живых. Думал, что из «невидимок» он – единственный такой.

Теперь выходило, что, может, и нет, не единственный, и с этим надо было что-то решать.

Первая глава

Привет от Червленого.

Настоящее дело

До поры до времени их жизнь в N-ской Нахаловке была вполне спокойной. Известно было, что район это бандитский, но куда настоящие урки их не трогали, видно, пока приглядывались. Если кто и доставлял мелкие хлопоты – так это всякая местная шантрапа, опытному человеку сразу было видно, что, несмотря на внушительную внешность, этим ребятам до настоящих урок – как ефрейтору до генералиссимуса. А по мелочам бывало, конечно, всякое.

Раз какой-то здешний амбал попытался Полину прижать. Это ее, Невидимку!.. Хорошо, неотложка вовремя подоспела, а то лежать бы ему в морге с номерком на ноге.

Еще три здоровенных паренька попробовали вечером взять Юрия на гоп-стоп. И хоть он, Юрий, по выучке сильно уступал Полине, но те пареньки тоже, должно быть, надолго потеряли охоту к подобным подвигам.

У Кати тоже как-то раз некий тип попытался кошелку вырвать из рук, когда она шла из магазина. Интересно, успел он прежде, чем свалиться в бессознанке, понять, кто это ему сапожком в лоб с такой силой заехал?

Ну и на Викентия однажды напали впятером, так потом трое из них месяц в больнице оклеивались, а другие двое ходили с загипсованными руками.

Правда он, Васильцев, понимал, что тем дело не кончится, он читал это во взглядах настоящих урок, истинных хозяев Нахаловки, знал, что встреча с ними тоже неминуема, но это его не сильно заботило, не сомневался – и от них отобьются.

А пока, после тех не бог весть каких приключений, их жизнь в Нахаловке стала вовсе спокойной и размеренной. Сам Юрий преподавал математику в местном железнодорожном техникуме, Катя вела хозяйство, Полина (она так и оставила за собой имя погибшей подруги, тоже «невидимки») служила секретарем-машинисткой в райотделе милиции, Викентий работал в механической мастерской.

Но если Катю и его, Юрия, после всего пережитого такая жизнь вполне устраивала, то Викентия и Полину жизнь без подвигов явно тяготила. Едва не сразу после того, как они тут поселились, Викентий насел на Васильцева: мол, два судьи есть? Есть! Васильцев и Катя! Палач тоже имеется, вполне законный, по праву происхождения, как и положено по уставу Тайного Суда, ведь он, Викентий приходится хотя и приемным, но сыном покойному палачу, тоже Викентию, о чем и документ имеется. Так чего же, спрашивается, они тут сидят и мышей ни шиша не ловят?!

Юрий не стал разъяснять ему ситуацию так, как сам ее понимал: что-де пора распрощаться с этой опасной игрой, в которой не только караются преступники, но и сами судьи нравственно разрушаются, – но чувствовал, что Викентий, еще по сути остававшийся мальчишкой, едва ли его поймет, потому решил ограничиться формальной стороной дела. Чтобы Тайный Суд не превратился в судилище, в нем непременно должно быть три судьи, так уж заведено. Полина не в счет, поскольку судьями становятся исключительно по праву происхождения. Возразить Викентию было нечем – к уставу Тайного Суда он относился с пиететом, который привил ему покойный приемный отец, тоже палач Тайного Суда, тоже носивший имя Викентий. Вот тогда-то он, Викентий Второй, и приуныл.

Была, впрочем, и еще одна причина для его унынья. Стенки в их хибаре были тонкие, фанерные, и однажды Юрий ненароком услышал разговор Викентия с Полиной.

– ... Не надо! – говорила Полина. – Прошу тебя – больше никогда!

– Но почему?! У нас же с тобой там, в Москве, было уже...

– Да, было... Но тогда я еще «невидимкой» была, так что, можно сказать, это была и не я.

– А сейчас ты что же... меня... совсем?..

– Да нет, я люблю, люблю тебя, глупенький! Сейчас-то и люблю по-настоящему! Но только совсем не так, как ты хочешь. А как ты хочешь – так нельзя...

– Когда любят, то все можно...

– Да, обычно так... А со мной – иначе...

– Ты что, больная?

– Можно сказать, что и так. Только это не такая болезнь, как ты думаешь, она – в душе. Того, кто это со мной делает, я могу навсегда возненавидеть. Ты же не хочешь, чтобы я возненавидела тебя?

– А откуда это у тебя так?

– Все оттуда, из школы невидимок... Не хотела тебе рассказывать, но, видно, придется... Нас, невидимок-девочек, с детского возраста чуть ли не каждый день страшно насиловали...

– Недопашный и Палисадников?

– Да, в том числе и они... Ты знаешь, этих двух гнид я сама раздавила... Еще был такой Слепень...

– Фамилия такая?

– Нет, фамилия у него была Слепченко, старший лейтенант госбезопасности, но все называли его Слепень. Самый страшный из троих. Тоже, говорят, сдох; жаль, что не от моей руки... Этот Слепень, бывало, потом спрашивал: «Что, детка, сильно ненавидишь меня?» Я однажды не выдержала и скала, что, мол, да, ненавижу! А он мне: «Вот и правильно, детка. Для того все и делается. Ты должна ненавидеть каждого, с кем спишь, так оно полезно для дела, а то потом, глядишь, убить его будет жалко». И вот с тех пор... Я не могу с тобой, не могу, ты должен понять!

Бедная девочка! Да и Викентия ему, Васильцеву, было жаль. Влюбился, видно, по-настоящему – и вот же беда какая!..

– А иногда мне кажется, – добавила она, – что этот Слепень жив – уж больно ловок был, чтобы дать себя вот так вот запросто грохнуть.

– Попадись он мне... – проговорил Викентий. – Уж от меня бы не ушел.

На это она сказала:

– От меня бы тоже не ушел... Только так было бы слишком просто для этого гада. Его надо судить. Для таких вот и существует Тайный Суд.

– Палка – камень – веревка... – машинально проговорил Викентий.

– Вот-вот, это самое.

Юрий подумал, что ради этого Слепня, в самом деле, можно было бы сделать исключение.

Викентий вздохнул:

– Да, хорошо бы... Только Тайного Суда теперь нет... – и вкратце объяснил ей, почему, согласно уставу, именно так обстоят дела.

– Понятно... – произнесла Полина. – Нет, говоришь, Суда?... – И решительно объявила: – Нет – значит, будет!

Чт? она имела в виду, стало ясно уже на другой день. Было воскресенье, когда все в сборе, и за обедом Полина спросила у Кати словно бы невзначай:

– Кем я вам теперь прихожусь? Вам и Юрию Андреевичу.

– По паспорту? Дочерью, сама же знаешь, зачем спрашиваешь?

– Да, знаю, просто хочу, чтобы вы подтвердили.

– Ну подтвердила. Дальше что?

– А дальше то, – торжественно провозгласила Полина, – что Тайный Суд теперь существует! Ведь это значит, что я – по праву происхождения! Теперь есть три судьи и есть палач! – Она кивнула в сторону Викентия. – Есть все, что нужно, ведь правда, дядя Юрочка?

Юрий хотел было ответить, что липовый паспорт, полученный от Николаева, это еще не пропуск в Тайный Суд, по уставу необходимо родство по крови... Говорить этого, однако, не стал – тогда получалось бы, что и Викентий никакой не палач, поскольку является приемным, но лишний раз напоминать об этом парню было выше его сил. Да и вокруг происходило

столько всяческих гнусностей, что он и сам иногда жалел в глубине души о том, что Тайный Суд прекратил свое существование, поэтому, чуть поколебавшись, наконец сказал:

– Ладно, черт с вами, существует – так существует.

– Ой, дядя Юрочка!.. – Полина поцеловала его в щеку, ну совсем, совсем дитя.

И Викентий просветлел наконец – хоть одною из двух его печалей становилось меньше.

– Но только, – строго добавил Юрий, – по пустяковым делам Тайный Суд не будет заседать. Исключительно по настоящим делам, поняли меня, по настоящим!

Полина воскликнула:

– Ну конечно, дядя Юрочка, только по настоящим! Вот как раз одно настоящее! Я у себя там, в отделении милиции, сводки переписала по уголовному розыску. Там, в сумочке у меня... Сейчас...

Она ринулась в свою комнату, но добежать не успела. Входная дверь распахнулась, и трое дюжих молодцев переступили порог. По этим сапогам в гармошку, по этим холодным, глубоко посаженным глазам, по лицам, бурым от чифиря и колючих морозов дальнего Севера, Юрий сразу понял, что по их душу нагрянули урки самые что ни есть всамделишные. Что ж, когда-нибудь здесь, в Нахаловке, это непременно должно было случиться. Один из них, с лицом, похожим на побуревший череп, без всякого «здрасьте» спросил с порога:

– Которой масти будете?

– Стучаться надо, – сказал ему Юрий, а Полина прибавила:

– И здороваться, между прочим. А насчет масти... Малость перепутали вы, граждане, масть – она бывает у лошадей, да у собак.

Эти их слова были оставлены без внимания. Другой урка, кривой на один глаз, сказал:

– Мы от Червленого. (Червлёный был воровским королем Нахаловки.) Сперва думали, вы фряерской масти – так Червлёный разрешил: пускай живут. А вы вон рыжые да брюлики толкаете почему зря.

– А с чесным народом не делитесь, – просипел третий, с носом, провалившимся от застарелого сифилиса. – Не дело это, Червлёный так на своей земле не позволял.

Да, это была серьезная оплошность, Юрий еще неделю назад, когда Катя продала перстенок с бриллиантами, предвидел, что добром это не кончится. Решено же было, что станут жить исключительно на зарплату, ничем не выделяясь, да уж больно хотелось Кате купить ему новый костюм ко дню рождения, а денег хватало только на еду, вот перстенок-то и торганаула.

– Значит, так, – подытожил «Череп». – Половину рыжья и брюликов – Червлёному, и тогда живите, чего ж.

– И за какие это за такие красивые глаза брюлики ему отдавать? – невинно спросила Поля.

Урки переглянулись.

– Б?рзая, – сказал кривой. – Язычок, что ль, малость укоротить?

– Укороти, Сявочка, укороти, – в общем даже ласково разрешил «Череп», бывший у них, видимо, за старшего.

Кривой Сява достал нож и, поигрывая им, двинулся на Полину...

Происшедшее вслед за тем он едва ли понял, так же, как и оба его сотоварища. Такого прыжка даже Васильцев, хорошо знавший, на что она способна, от нее не ожидал, а для урока она просто на миг исчезла. В действительности, легкая как перышко, она просто подпрыгнула выше Сявиной головы и сверху саданула его каблучком по темени. Тот рухнул как подкошенный, а Полина опустилось рядом с его распластавшимся на полу телом. Для двух оставшихся урок это выглядело, должно быть, так: она исчезла, потом материализовалась, а кривой Сява просто так, сам по себе шмякнулся на пол.

– Нечистая... – пробормотал безносый, пятясь назад.

«Череп» первым вышел из оторопи и с завидным проворством выхватил из кармана наган.

Тут же, однако, и уронил, взыв. Это Викентий стремительно метнул в него столовый нож, попавший «Черепу» в запястье. Тот, подвивая, пытался его вытащить, но у него никак не получалось, нож прочно засел между косточками. Так и оставшись с ножом в запястье, он крикнул безносому:

– Мочи их, Валет! Шмаляй!

Безносый и рад бы шмалять, наган у него был наизготовку, – но в кого, в кого шмалять?! Поля и Викентий, приближаясь к нему, то и дело быстро менялись местами, так что казалось, будто это один человек то и дело раздваивается, – в какую же половинку дуло-то направлять? На Катю и Юрия, продолжавших спокойно сидеть за столом, он не обращал внимания, не видя в них никакой опасности.

В том-то и была его ошибка. Катя вдруг резко вскинула ногу и ловко угодила носком туфельки в его трухлявый нос. Валет выронил наган, завизжал как-то по-пороссячи и выкатился из комнаты на двор.

Между тем, кривой Сява уже пришел в себя, даже сумел встать на четвереньки, но, видя, что тут творится, подняться в полный рост не отважился. Так, на четвереньках и выполз наружу. Никто ему не препятствовал.

Решительная победа была одержана меньше, чем за минуту, но Юрий знал, что тем дело не кончится, едва ли их Червлёный после этой неудачи навсегда оставит задуманное.

Все снова расселись за столом. Мирная советская семья. Видел бы их кто, кроме Юрия и тех урок минуту-другую назад!

Катя сказала: .

– Прости, Юрочка, я действительно страшную глупость сделала, когда колечко продала. Очень уж костюм был хороший, а то твой старый совсем уже износился. Как думаешь, они еще вернутся?

– Думаю – обязательно, – сказал он. Но такой виноватый был у Кати нее вид, что он поспешил добавить: – Ладно, чего уж там, они бы все равно когда-нибудь пришли. Ничего, отобьемся, как думаете?

– Отобьемся!

– Уж как-нибудь! – Хором заверили его Полина и Викентий.

Чтобы Катя перестала страдать от своей оплошности, он переел разговор на другую тему:

– Так ты, Поля, говоришь – дело какое-то раскопала?

– Ага, дядя Юрочка! Настоящее! – Отозвалась она радостно. С этими словами выпорхнула из-за стола, миг спустя принесла из своей комнаты сумочку, вынула из нее листок бумаги и протянула ему: – Вот! Я все слово в слово переписала из разных сводок.

Юрий прочитал. Речь там шла явно о серийном убийце. Дело вполне привычное для Тайного Суда, ибо такого рода дела советская милиция за версту обходила, оставляя только в сводках, да и те порой куда-нибудь прятала – ведь, как известно, в стране победившего социализма нет почвы для такого рода преступлений. Поэтому объединять все случаи в одно дело никто и не думал, а просто упоминали как эпизоды в разных сводках, списывая на обычную «бытовуху», для которой на родине победившего социализма хоть какой-то клочок почвы все еще, видимо, оставался.

Но дело было, безусловно, одно и то же. Едва ли не каждую неделю в окрестностях города N-ска кто-то по вечерам нападал на девушек, подвергал их насилию, а потом предавал их мучительной смерти, долго кромсая ножом. Медицинские подробности вызывали отвращение.

Юрий не стал их повторять, просто пересказал всем суть дела.

– Мерзость какая! – произнесла Катя.

– Судить гада, – проговорил Викентий и вопросительно посмотрел на Юрия.

– Да, – наконец согласился он, – этим дело, пожалуй, можно заняться.

– Я же говорила – настоящее! – возликовала Полина.

– Я его возьму, – заверил всех Викентий.

– Нет, это я его возьму! – воскликнула Полина. – Это же я нашла! И потом, у меня план есть! И потом...

– А брат все равно должен я, – перебил ее Викентий. – Брат преступника – это дело палача.

Они еще долго препирались: «Я!» – «Нет, я!» – «Нет, я!» Ну дети, дети! Наконец Юрию это надоело.

– В общем, так, – сказал он. – Брат его будете вместе.

– Я и одна справлюсь, – проговорила Полина несколько обиженно.

– А я, что ли, не справлюсь? – пробурчал Викентий.

Конечно, справился бы и каждый из них поодиночке, он, Юрий, назначил обоим только для того, чтобы ни у одного не было обиды. Поэтому он твердо сказал:

– Брат будете вдвоем, таково мое решение. Вопросы есть?

Вопросов не было. Посопели немного носами, но нарушать субординацию не осмелились.

– Ты говорила, у тебя имеется какой-то план? – спросил он Полину.

Она сразу обрадовалась:

– Да, есть! – Вытащила из сумочки карту и развернула ее на столе.

Карта с нанесенными на нее окрестностями Н-ска была настоящая, топографическая, предмет особой секретности здесь, в Советском Союзе. Хотя иностранных шпионов здесь отлавливали миллионами, – для них, в отличие от маньяков, место в стане победившего социализма почему-то вполне даже хватало, – но считалось, что множество их еще гуляет на свободе, и эти, пока еще не отловленные, в первую очередь охотятся за такими вот картами.

– карту ты где взяла? – строго спросил он.

– Да там же, в милиции.

– А если попадешься?.. Ох, связался я с детворой!

– Да не переживайте вы, дядя Юрочка, я – по-незаметному. Потом я ее назад тихонько положу.

– А если нынче же хватятся?

– Да не хватятся! Они этих карт и читать-то не умеют, у всех по три класса образования, как у наркома Ежова. Лежат, пылятся, никому не нужны.

Юрий махнул рукой:

– Ладно... Так что за план?

– Вот! Я тут кружочками обвела все места, где он делал это. Смотрите, все кружочки почти на одинаковом расстоянии от Рабочего поселка. Мы его «на живца» возьмем. Я буду по вечерам вокруг этого поселка бродить; рано или поздно он обязательно клюнет! Тут-то я его...

– Мы его, – встрял Викентий.

– Ну ладно, мы, мы!.. Тут-то МЫ его и возьмем!

Что ж, надо отдать должное, план был вполне реалистический. И Юрий наконец дал добро.

* * *

Теперь каждый вечер повторялось одно и то же. После работы Полина накрашивала губы Катинной губной помадой, надевала Катину каракулевую шубку, чтобы злодей клюнул уж наверняка (все жертвы маньяка были хорошо одеты и с накрашенными губами), после чего уходила из дому. Через пару минут следом за ней выбежал Викентий, и оба они отсутствовали до полуночи. Но в течение двух недель возвращались ни с чем, усталые и злые. Только на третью неделю клюнуло...

Полина вбежала радостная:

– Дядя Юрочка, тетя Катенька, мы поймали его!

Следом вошел Викентий, волоком волоча здоровенный мешок. В мешке что-то шевелилось и жалобно попискивало.

– Принимайте подарочек! – с этими словами Викентий вывалил из мешка тщедушного человечка со связанными рукам и с кляпом во рту.

Юрий спросил:

– Уверены, что это он?

– А то! – Полина вытащила у него изо рта кляп, который в расправленном виде оказался шелковым шарфом. – Вот этим шарфиком меня и душил.

– Хорошо, я вовремя подоспел, – вставил Викентий.

– Ага, а то бы я сама не справилась, – усмехнулась Полина и прикрикнула на пленника: – Стоять надо, когда люди с тобой разговаривают!

– Вставай, гад! – приказал Викентий и поднял его за шиворот.

Теперь человечек стоял, пороссячи глазки его затравленно бегали по сторонам.

– «Девушка, позвольте вас проводить, а то места тут не спокойные», – передразнивая его, прокудахта Полина. – А ножичком вот этим хотел меня потом раскромсать? – Она помахала в воздухе большим кухонным ножом. И других девушек им же кромсал? Признавайся, гнида!

– Подожди, Поленька, – остановила ее Катя, надо же все по порядку.

– Да, да, – сказал Юрий и мягким голосом обратился к пленнику: – Так вот, любезный, хотелось бы сперва знать, кто вы такой и что вас подвигло на подобные деяния.

Он нарочно взял этот интеллигентный тон: при подобном общении такие типы сразу наглеют и развязывают язык. Некую роль тут должны были сыграть и его очки: при виде очкариков такие почему-то в особенности распоясываются. Он не ошибся, так оно и произошло. Человечек вскричал:

– Права не имеете! Кто вы такие, чтобы вот так вот с людьми?! Я требую, чтобы меня развязали.

Юрий закивал согласно:

– Конечно, милейший, развяжем, со временем развяжем непременно. Однако вы пока не ответили на мой вопрос. Для начала – на первый: кто вы?

– Чурилло Василий Афанасьевич. Между прочим, депутат районного совета. – В его осанке даже появилась некоторая горделивость. – И поэтому я требую!..

Так же мягко Юрий его перебил:

– Потом, потом. Требования – это потом. Покуда же, Василий Афанасьевич, ответьте на второй вопрос: что вас толкнуло на все эти подвиги?

Человечка понесло. Он заговорил торопливо:

– Я очищал мир! Да! Очищал! От таких вот напояженных краль! Не место им на нашей советской родине!

– Можно я ему вмажу? – тихо спросил Викентий.

– Ни в коем случае, – так же тихо ответил Юрий. – Послушаем-ка, послушаем...

Пленник явно услышал его слова и, кажется, воспринял их как одобрение. Голос его наполнился правотой.

– Я всегда очищал мир от тех, кому не место в нем! От врагов народа, от беглых раскулаченных! У меня грамота есть от НКВД! Я член ВКП(б), между прочим! И судить меня может только наш справедливый советский суд!

– Будет тебе суд, – пообещала ему Полина. – Не совсем, правда, советский, но уж точно – справедливый.

Тот взвизгнул:

– Я прошу оградить меня от этой дамочки! Она еще ответит за нанесение побоев депутату райсовета!..

Что-то еще визжал – снова о заслугах своих, о грамотах, об очищении мира. Юрий, не особо вслушиваясь, думал о другом: да, решение о реанимации Тайного Суда было правильным. Ну схватила бы когда-нибудь наша доблестная милиция этого подонка (что тоже еще вилами по воде писано), ну дал бы ему наш советский суд, учитывая все его грамоты и билет члена ВКП(б), лет пять, не шпион же, не враг народа. А таким, как он... Вот уж кому воистину не место...

Визг его уже порядком надоел, и Юрий совсем уже другим тоном приказал Викентию:
– Заткни его.

Викентий быстро затолкал ему в рот кляп все из того же шарфа. Теперь депутат мог только вращать глазами, которые теперь постепенно опять наполнялись ужасом.

Юрий сказал Викентию:

– Обустрой там, в подвале, все для заседания. Как управишься, так и начнем.

* * *

Заседание началось около полуночи. Викентий все обустроил как положено – возвышение для судей, перед ним – стул для обвиняемого, сбоку – место для палача. Когда Юрий, Катя и Полина спустились в подвал, трясущийся член ВКП(б) уже сидел, привязанный к своему стулу, а Викентий встречал их в красном палаческом колпаке. Катя вынуждена была смириться с тем, что на изготовление этого колпака ушла красная скатерть из гостиной, Викентий все-таки сумел настоять на том, что без колпака никак нельзя, без колпака это будет не заседание, а черт-те что. Ладно, чем бы дитя не тешилось...

После того, как судьи расселись, Викентий вытащил изо рта подсудимого кляп, и тот сразу же запустил свою заезженную пластинку про спасение Родины от всяческих элементов. Судьи слушали молча, палач сидел на своем месте, неподвижный как изваяние, и в эти минуты удивительно был похож на своего покойного приемного отца, тоже палача Тайного Суда и тоже Викентия.

Когда подсудимый иссяк, судьи переглянулись и лишь молча кивнули друг другу. Да, случай был бесспорный.

Юрий встал и произнес:

– Подсудимый Чурилло, решением Тайного Суда вы приговариваетесь к смертной казни.

– Нет! Вы не имеете пра!.. – завизжал было тот, но Викентий уже затыкал ему рот кляпом.

Затем приподнял свой колпак и вопросительно посмотрел на судей, ожидая положенного в заключении слова.

– «Палка»?.. – спросила Полина у Кати и Юрия. – Или «веревка»?.. Нет, лучше «камень», правильно?..

Катя поморщилась:

– Ах, оставь ты этот детский сад. Лично мне надоели эти игры в средневековье.

Васильцев был с ней согласен. Ну их к шутам, эти дурацкие традиции!

– Просто отведи его куда-нибудь подальше да и пристрели, – сказал он Викентию. – Можешь не закапывать – спишут на нахаловских урок.

Полина приняла такое решение вполне спокойно, а вот Викентий смотрел на него укоризненно, с явным недовольством. Возражать, впрочем, не решился. Вздохнув, снова напялил свой колпак и потащил трясущегося приговоренного из подвала наверх. Когда судьи тоже поднялись, ни Викентия, ни его жертвы в доме уже не было.

Минут через десять откуда-то издали донесся чуть слышный звук выстрела.

А на другой день Полина вернулась с работы какая-то немного не своя, сразу было видно – случилось что-то. На все расспросы Кати и Юрия она поначалу только отмахивалась, но когда они проявили настойчивость, сдалась все-таки.

– Наверно, мне просто показалось... Показалось, что я увидела издали одного человека... Но нет, померещилось, конечно! Наверняка он давно уже сдох!..

На вопрос, что за человек такой, нехотя ответила:

– Какая вам разница? Ну, допустим, Слепченко его фамилия... Нет, ошиблась, похоже – лицо совсем другое... Разве только походка...

Юрий не нашел сил признаться, что уже слышал эту фамилию, иначе заодно пришлось бы признаться, что он когда-то подслушал их с Викентием разговор. Да, да, тот самый Слепченко, Слепень, ее мучитель! Могла, впрочем, конечно, и обзнаться, а привиделся он ей из-за того, что она слишком часто вспоминала о нем.

– Но к вам это не имеет никакого отношения, – добавила Полина и ушла в свою комнату. Тут она ошибалась. Это очень даже имело к ним отношение. Да какое!.. Но только без заглядки в будущее иди-ка это знай.

Вторая глава

Сов. секретно

* * *

Из сов. секретного досье

Слепченко Сергей Савельевич, 1903 г. рождения, русский, из рабочих. Служба в органах ОГПУ/НКВД с 1932 по 1939 г., член ВКП(б) с 1933 г.

С юности проявил недюжинные способности ко всякого вида единоборствам, за демонстрацию которых в 1933 г. был награжден грамотой председателя ОГПУ, а в 1935 – наркома НКВД.

Также проявил большие оперативные способности.

В 1936 г. был направлен для участия в сов. секретном проекте «Невидимка» на должность наставника, где зарекомендовал себя с самой лучшей стороны: все его подопечные сдали выпускной экзамен с оценкой «отлично».

Обладает феноменальной памятью и способностью к иностранным языкам.

В 1939 г. был представлен к ордену Красного Знамени, который, однако, не успел получить в связи с гибелью.

Последнее звание – старший лейтенант государственной безопасности.

Погиб 8 декабря 1939 г. при невыясненных обстоятельствах. Тело не найдено.

Посмертно внесен в «Красную книгу» НКВД СССР.

* * *

– А фотка, фотка-то этого Слепченки где? – спросил хозяин нового Наркомата государственной безопасности Всеволод Николаевич Меркулов. – Вот здесь же наверняка когда-то была, видно, что выдрал кто-то.

– Не могу знать, – отрапортовал дежурный адъютант. – Должно быть, удалена ввиду особой секретности.

– Какая еще особая секретность, если папка и так из особо секретного архива? От кого секретили, от меня, что ли?

– Не могу знать.

– А по проекту «Невидимка» какие-нибудь сведения есть?

– Никак нет, все документы из особого архива изъяты.

– Акт об изъятии имеется?

– Никак нет.

– Гм...

«Позвонить, что ли, Лаврентию Павловичу, спросить?..» – задумался нарком. Однако сразу понял, что звонить никак не следует – высоко взмошел Лаврентий Павлович, много у него сейчас новых забот, осерчать может. Да и что он сам тогда за нарком, если с первых минут по всякому пустяку сразу папочке названивает? Минуту-другую народный комиссар озабоченно сопел.

Причиной его нынешней озабоченности послужило коротенькое анонимное письмо, направленное ему лично. Там говорилось, что старшего лейтенанта государственной безопасности Слепченко, работавшего на сов. секретном проекте «Невидимка» и с 1939 года считавшегося погибшим, якобы на днях видели в областном городе N-ске. Установить анонима, понятно, не удалось.

– Что хоть за проект этот – «Невидимка», – спросил нарком, – в чем его суть?

– В точности – не могу знать, товарищ народный комиссар, но что-то там с детишками было связано. Вроде бы отбирали детишек и готовили из них опытейших диверсантов, но это в основном только слухи. А проект был в конце концов два года назад закрыт.

– Кем закрыт?

– Лично Лаврентием Павловичем.

– Гм... («Сейчас бы ему позвонил – вот уж получил бы по рогам!») А кто-нибудь из детишек этих уцелел?

– Никак нет, все вроде бы в расходе.

– А кто курировал?

– Старший майор Недопашный и комиссар госбезопасности третьего ранга Палисадников.

– Эти хоть живы?

– Старший майор Недопашный погиб – загрызен собственным псом. А комиссар Палисадников хоть и жив, но покинул службу в связи с внезапно постигшей его слепотой⁴.

– Ну, слепой – не мертвый. Доставить ко мне. Срочно!

– Есть!

(Полчаса спустя)

– Товарищ народный комиссар, разрешите доложить! Комиссара Палисадникова доставить не удалось. В момент приезда спецгруппы он погиб – во время прогулки был застрелен. Убийцу схватить не удалось – стрелял издали, предположительно, из винтовки с оптическим прицелом.

Да, ловко, ловко и умело кто-то зачищал все концы. Понять бы еще, кто...

Едва народный комиссар подумал об этом, как раздался звонок правительственной «вертушки».

Звонил самолично Лаврентий Павлович. И начал он сразу с «шени мама»⁵, что было дурным признаком, ибо в спокойном состоянии духа он не прибегал к грузинским ругательствам, ограничиваясь богатым арсеналом исконно русских.

– Ты что ж это, мама дзагла, лезешь в давно закрытые дела? Заняться на новом посту нечем?

«Откуда узнал, как?.. Должно быть, этот кабинет на прослушку поставил...»

– Не понял, Лаврентий Павлович...

– Все-то ты, мама дзаглаб, прекрасно понял! Какого ... в дело «невидимок» полез?! Только сел в кресло – и уже жопа чешется? Полно шпионов вокруг, а он, засранец, полез в исторические изыскания! Других, понимаешь, забот у него нет!..

– Вас понял, товарищ... – («Как бишь там его теперь?») – Товарищ генеральный комиссар государственной безопасности⁷!

– Ну и хорошо, что понял. А то, понимаешь ли, шени мама дзагла...

В последних словах нарком услышал даже некоторую теплоту, теперь они как бы намекали на их с генеральным комиссаром землячество.⁸

Всё. Гудки отбоя.

– Что уши развесил?! – прикрикнул на адъютанта нарком.

– Виноват, товарищ народный...

– Свободен.

– Есть!

Когда за адъютантом закрылась дверь, нарком придвинул к себе огромную, как корыто, служащую именно для таких целей пепельницу и собственноручно спалил над ней и то анонимное письмо, и тонкую папочку с одним единственным листочком – личное дело этого самого старшего лейтенанта госбезопасности Слепченки, имя которого, – нарком в этом поклялся себе, – он больше никогда не вспомнит.

Затем открыл форточку, чтобы проветрить кабинет от дыма и вони, а после того, как все это вылетело на февральский воздух, он, закрывая форточку, уже добросовестно не помнил, чт? унес вместе с собой этот дым.

Не было ничего.

* * *

Уже несколько дней Н. Н. Николаев сидел в новом кабинете, совсем в другом здании, поскольку недавно был переведен из НКГБ в Главное разведывательное управление Генштаба. Вместе с новым кабинетом и новой должностью он получил и новое звание – генерал-майор, лишь фамилия осталась, хоть и не родная, но прежняя, уже привычная, Николаев, с прикипевшими к ней буквами Н. Н., которые он почему-то даже в мыслях непременно к ней приставлял.

Хотя перевод произошел с некоторым, пожалуй, понижением в звании⁹, генерал Н. Н. Николаев был этим переводом вполне доволен. Он всегда считал себя, а иногда и называл вслух служилым человеком Отечества, но если там, на прежнем месте, приходилось всячески ловчить и врать, чтобы отбиться от псовой службы отдельным малосимпатичным личностям и отдаться именно этому служению, то здесь он сразу почувствовал себя на своем месте. В отделе, где он теперь служил, ни из кого не выбивали липовые показания, не раздували отчетную цифирь изловленных злодеев; цифры здесь, впрочем, тоже были, но совсем другие, конкретные, добытые совсем иным путем, полученные от людей, находящихся за кордоном и уже забывших свои подлинные имена и фамилии, так же, как он сам, генерал Н. Н. Николаев когда-то прочно забыл. Эти цифры обозначали число танков, самолетов, дивизий и т. д., и цифрам этим можно было доверять.

Сейчас генерал Н. Н. Николаев сидел, склонившись над расшифровкой одного из таких сов. секретных отчетов, полученным из Германии, изучая число танков и дивизий, начавших перемещаться к нашим западным границам.

В общем-то, количество это было не таким уж пугающим – меньше семидесяти дивизий, тысячи полторы танков. Да он знал и из других источников, что Германия, даже развернись она сюда, на Восток, во всю свою мощь, сможет выставить число и того, и другого едва-едва вдвое большее. Это против наших двадцати тысяч танков и трехсот дивизий, уже существующих, а о таком чуде, как танки КВ и Т-34 Германия пока что, в сорок первом году, не может и мечтать.

В том, что война с Германией непременно будет, он, Н. Н. Николаев, не сомневался, – вот только когда, когда? И, несмотря на наше колоссальное превосходство в технике, боялся этой войны.

В недавней Финской войне наше превосходство было еще более разительным, а чем все обернулось? Бывало, что нашу дивизию блокировало два взвода финских лыжников; дивизия сидела в лесу и посылала панические радиограммы: спасайте, мы окружены! И расстрелы командиров перед строем не прибавили армии боевого пыла. Генерал Н. Н. Николаев опасался,

что и в начале грядущей войны дело будет обстоять ничуть не лучше. Он понимал то, чего, кажется, не понимали там, в Кремле: что техника воюет не сама по себе, воюют люди. А вот что касается людей...

Нет, он не считал русских людей трусами, да и ни один враг ни в какую войну за трусов их не держал, – но уж больно пригнуло, прибило их к земле последнее страшное десятилетие. Армия, состояла большей частью из крестьян, из тех, кто еще детьми видел и расстрелы, и голод, порой доводивший до людоедства. Большая ли охота им, повзрослевшим, отдавать жизни за такую власть? Просто они еще не знали, что в Рейхстаге сидит людоед, ничуть не более гуманный, чем сидящий в Кремле.

Вот когда поймут – тогда и воевать будут по-другому. Это, без сомнения, произойдет, но далеко, далеко не сразу, поэтому и начало войны виделось ему совсем не таким победным, как в недавнем глупейшем кинофильме «Если завтра в поход...»

От этих мрачных мыслей его оторвал телефонный звонок. Звонил его друг, старший майор П. П. Петров из НКГБ, бывший по рождению таким же П. П. Петровым, как он сам – Н. Н. Николаевым. Оставив прежнее место службы, он, Н. Н. Николаев, не порвал связей со своими друзьями и единомышленниками оттуда, с Лубянки.

П. П. Петров приглашал его на ночную рыбалку, на подледный лов. Сообщил, что прикорм для рыбы обеспечит сам вместе с А. А. Александровым.

– Буду в двадцать один ноль-ноль, – пообещал Н. Н. Николаев.

Что означает эта «ночная рыбалка» и этот «прикорм для рыбы», он превосходно знал.

* * *

...В свете фонариков «прикорм для рыбы» бился на заснеженном льду Москвы-реки и что-то мычал сквозь кляп во рту. В жизни, уже подошедшей к концу, этот «прикорм» звался капитаном государственной безопасности Евтюховым, под каковым именем, прикрываясь красной «корочкой», сотворил множество всяческих гнусностей, последней из которых была продажа «детей врагов народа» из специального детского дома в чьи-то неизвестные руки. Это случилось с полгода назад, но только недавно старший майор П. П. Петров узнал про это дело.

Чего хотел от этих детей покупатель и кто он такой, еще предстояло выяснить, продавца же сейчас ждала уже решенная ими троими участь – надпись на фанерной табличке, висевшей у него на шее, гласила: «КАМЕНЬ», – это на случай, если когда-нибудь весной его тело всплывет; пускай тогда на Лубянке думают, что тот Тайный Суд все еще существует и продолжает творить свои дела.

Прорубь была готова, майор А. А. Александров подтащил камень поувесистей, а они двое, П. П. Петров и Н. Н. Николаев, тем временем уже запикивали мычавшего капитана в мешок.

Через пару минут все было закончено, а еще через минуту-другую хваткий морозец уже начал затягивать прорубь тонким ледком.

Затем они втроем вышли на берег и развели костер, предстояло просидеть тут как минимум три часа, чтобы легенда с рыбалкой выглядела убедительной. На этот случай и свежая рыба уже была припасена, и рыболовные снасти лежали у них в багажниках машин. Лишь тут, у костра, генерал Н. Н. Николаев спросил, удалось ли выяснить, кто и зачем покупал детей («прикорм для рыбы») так и не сумел дать вразумительного ответа на этот вопрос).

– Только предположения, – сказал П. П. Петров и протянул ему две бумаги.

Это были копии тех самых бумаг, которые недавно предал аутодафе над пепельницей нарком Меркулов. Генерал Н. Н. Николаев, прочтя их в свете костра, не стал спрашивать, как удалось добыть эти копии. За свою жизнь каждому из них не раз приходилось добывать копии самых секретных документов из ничуть не менее высоких кабинетов и в Лондоне, и в Париже,

и в Бухаресте, и во многих других странах и городах, куда их направляло руководство разведки, так что у каждого из них имелись для того свои наработанные способы.

– Думаете, Слепченко собирается сделать из этих детей новых «невидимок»? – спросил Н. Н. Николаев.

– Похоже на то, – кивнул майор А. А. Александров.

– Что, контора собралась возобновить проект?

– Да нет, – покачал головой П. П. Петров, – если бы собиралась, то я бы знал.

– Так что же, он, Слепченко, теперь решил выводить «невидимок» для каких-то собственных нужд?

– Опять же, похоже на то. Только для каких – вот что хорошо бы выяснить.

– Будет не легко, – вставил А. А. Александров, – Слепченко этот – конспиратор от бога... точнее, от самого дьявола. Вон как зачищает концы!

– Думаете, с комиссаром Палисадниковым – это его работа? – спросил Н. Н. Николаев. И сам же себе ответил: – Да, на контору не похоже, там уж как-нибудь обошлись бы без снайперской винтовки, просто сгинул бы навсегда этот Палисадников, и дело с концом... Только какой черт ему бояться слепого? Оpoznать его Палисадников уже все равно бы не смог.

– Привычка, видно такая, – сказал П. П. Петров, – зачищать все заподлицо. Теперь даже неоткуда подступиться – от проекта «Невидимка» никого больше, пожалуй, в живых-то не осталось.

Ту он ошибался, оставалась в живых девочка эта, Ульяна (или теперь уже Полина), но говорить этого Н. Н. Николаев не стал – не потому, что не доверял своим друзьям, а просто такая уж привычка, вырабатываемая годами, была у опытных разведчиков – не выкладывать даже друзьям информацию, по которой в дальнейшем собираешься работать сам.

Еще вот что доставляло беспокойство. Аноним писал Меркулову, что будто бы Слепченко видели в городе N-ске, именно туда, в N-ск, он сам, Н. Н. Николаев, эвакуировал ту четверку; а ведь Слепченко, – тут П. П. Петров прав, – привык все делать заподлицо.

И генерал Н. Н. Николаев решил для себя, что ему надо срочно под каким-либо предлогом брать на несколько дней командировку в N-ск.

* * *

Из разговора на N-ском базаре

– Слыхала, Пелагея, как сберкасса-то вчера грабанули? Точно тебе говорю – нечистая сила?

– Эка невидаль! Вон и прошлым годом грабили, и запрошлым, в январе месяце.

– Так там-то бандюги были, а тут... Бесенята были, точно тебе говорю!

– «Бесенята»... Ты мне, Филатовна, эти поповские штучки брось!

– Никакие не поповские. Ты, Пелагея как хошь называй, а по мне-то – в натуре бесенята...

– Отставить сплетни!

– Все, все, товарищ сержант! А чё я говорила?.. Все, все, ухожу...

– Правильно вы ее, товарищ сержант. Нечего тут – всякую поповщину... И еще имею сообщить, что данная Евдокия Филатовна Полторак дома самогонный аппарат держит, а супруг ейный, Полторак Ефрем, уже третий год сидит как враждебный элемент...

* * *

Перечитывая это донесение сержанта об услышанном на колхозном рынке разговоре, начальник N-ской милиции полковник Ничипоренко, хоть и не был ничуть суеверен, подумал:

«А ведь и впрямь бесенята, по-другому и не скажешь. И слухи вон уже пошли по городу гулять! Ох, нехорошо это...»

Вообще-то ограбление сберкассы не было для Н-ска событием столь уж экстраординарным, за время его, Ничипоренки, службы здесь уж сберкассы пять раз грабили. И все пять бант здешнему уголовному розыску удалось изловить. Деньги стране вернули, главари банд получили решением Народного суда по пуле в затылок за подрыв экономики социалистической Родины, которые остались в живых, долго еще будут чалиться по лагерям, а он, полковник, каждый раз получал по грамоте от НКВД, но с этим последним ограблением дело вправду загадочно.

Все случилось на глазах у посетителей. Зашли в ту сберкассу четверо человек мелюзги лет двенадцати, два мальчишки и две девчонки, – да вдруг...

Собственно, никто из очевидцев так толком и не сумел описать, что там вдруг произошло. Все сходились на том, что будто бы какая-то вспышка света на миг-другой их всех ослепила, а когда вновь прозрели, примерещилось им вот такое. Детишки эти якобы делали какие-то кульбиты, кувыркались в воздухе, летали под самым потолком, сначала – туда, за стойку кассирш, через высоченное стекло, потом – назад, уже с мешками, полными денег. И кассирша подтверждала примерно то же: ослепла вдруг, а как очухалась – детишки уже тут, возле ее стойки. Хотела нажать красную кнопку – да не тут-то: от одного из них тотчас получила дубинкой по голове, так что очутилась в полуобмороке, но все же сквозь муть в глазах видела, как двое из них проникли в каптерку, где в сейфе хранились деньги, недавно подвезенные. Ахнуть не успела – а они уже с мешками – в общем зале, снаружи.

– А как сейф за пару минут успели вскрыть? Как через стекло перемахнули? – расспрашивал ее полковник Ничипоренко. – Стекло-то вышиной в два с половиной метра (он сам для отчета замерял), да под ним еще стойка в один метр четырнадцать сантиметровов.

Кассирша не нашла ничего другого, как сказать:

– Перелетели... В общем, не знаю... – И завывла: – не мучьте меня, гражданин полковник!..

Хоть и дура баба, а другого объяснения, кроме как «перелетели», полковник Ничипоренко и сам себе дать не мог – толстенное стекло это, пуленепробиваемое, оставалось целое, проходов в кассовое помещение никаких. Перелетели, как д?хи. Только зачем, спрашивается, духам триста тысяч рублей народных денежек, которые они прихватили с собой? Вот и поди объясни, как оно произошло, если люди не могли, а духам незачем.

Но объяснить как-то надо было, спрашивать-то будут с него, с Ничипоренки. Не шутка это – триста тысяч народных рублей. И никак, ну никак не мог он это объяснить с позиций диалектического материализма, одно только объяснение и напрашивалось: нечистый где-то поблизости наколобродил.

«Что ж, и на нечистого управу найдем, – про себя подумал полковник Ничипоренко. И зачем-то в добавил: – ...прости, Господи...» – каковой поповщины даже в мыслях себе ни разу не позволял с момента получения шесть лет назад заветного билета член ВКП(б).

Уже готовый к тому, что нынче же вечером на заседании бюро обкома ему вкатят хорошую такую клизму со скипидаром (еще хорошо, если из партии не попрут), полковник Ничипоренко позвонил по спецсвязи в соседнюю область, своему другу еще с Гражданской войны полковнику милиции Чубарову, занимавшему такую же должность, что и он. И к некоторому своему облегчению узнал, что в той области с месяц назад произошло точь-в-точь такое же ограбление сберкассы, а еще раньше – и в Ростовской, и в Воронежской областях. Значит, действовали залетные, куролесившие по всей стране; ну а коли так – то, глядишь, они уже отсюда упорхнули и, может, больше здесь не объявятся. Подумал: «Дай бы Господь...» (Вот же привязалось!)

Еще больше порадовало то, что Чубарова хоть и тягали на ковер и клизму вкатили о-го-го какую, но в партии все же оставили жить, хоть и с выговорешником с занесением в личное дело. А партия у нас, Ничипоренко знал, действует всегда согласованно; стало быть, глядишь, и он тоже одной только клизмой и выговорешником отделается.

А вышло, что и без выговорешника обошлось, только поставили на вид. Хотя клизму вкатили не приведи Го... Тьфу ты, привязалось!

* * *

Его фамилия была Самойлов, звали Георгий Алексеевич. О том, что когда-то его звали Сергей Слепченко, он как опытный оперативник уже давно привык не вспоминать.

Он пересчитал деньги в сегодняшних двух мешках. Тут было около трехсот тысяч – хилатовато. Если прибавить к тем деньгам, что из Ростова и из Воронежа, то выходит меньше двух миллионов, а он, затеивая все это, для себя решил, что остановится не меньше чем миллионах на четырех-пяти, тогда-то и переведет все деньги в золотишко и камешки, поскольку там, куда он собрался, сов-ден-знаки были нужны, как лесному ежику партбилет.

Он уже на днях пытался обменять часть имеющихся денег на рыжье у главара здешних уркаганов по кличке Червлёный, но тот повел себя подозрительно, вопросы всякие ненужные задавал, так что он от этой идеи сразу отказался. Еще, кстати, одно дело предстоит – Червлёного этого убрать. Конечно, он сам соблюдает меры предосторожности, на встречу с Червлёным пошел с приклеенной бородой, в парике, в очках с толстыми стеклами, но береженого бог бережет, так что с Червлёным дело решенное. А рыжье и брюлики можно и в другом городе сторговать, на N-ске свет клином, поди, не сошелся. И бандюганы найдутся поумней этого Червлёного, такие, что обойдутся без лишнего любопытства.

В общем, отсюда, из N-ска, пора было, конечно, сваливать, тем более что после ограбления сберкассы вся милиция уже стоит на ушах. Однако он решил еще день-другой с отбытием повременить, сколь ни было опасно здесь оставаться.

Впрочем, все опасности были не столь велики. Развалюха эта на окраине, в которой он со своими четырьмя невидимками поселился, считалась списанной после пожара, так что здесь искать никто не станет. Противно, конечно, жить на погорелье, но он и не такие тяготы жизни легко переносил, не говоря уж о невидимках. Вон, сидят себе в стылом подвале, и ни звука: знают, какая кара им будет за любой шорох. А ведь уже не евши два дня; может, хоть хлеба им купить, а то, глядишь, сдохнут...

Да нет, вряд ли сдохнут. Перетерпят. Настоящий невидимка должен уметь все перетерпеть. А когда он решит, тогда уж непременно сдохнут, но не минутой ранее. Хоть они и являлись его творениями и вышkolить каждого дело было нелегкое, но имелось еще немало таких же, пока что сидевших тихо по другим городам.

А причиной его задержки в N-ске была девка эта. Вначале был почти на все сто уверен, что это она, хотел в тот же день ее и ликвидировать. Ибо все надо делать заподлицо. Вон, даже вырвался на денек в Москву, чтобы пристрелить слепого комиссара госбезопасности Палисадикина, хотя, казалось бы, чем он так опасен, слепой?..

То есть, это дурак или лентяй мог бы так подумать, а он, Георгий Самойлов ни дураком, ни лентяем не был. Слуха-то этот комиссар не потерял, вот и мог бы когда-нибудь случайно опознать его по голосу. Случайность такая, конечно, мало вероятна, но он привык учитывать любую малость, – так вот и решилась комиссарская судьба. Ибо надо все и всегда делать заподлицо.

Но и лишние смерти сеять вокруг себя он не привык. Не потому, что способен был кого-либо пожалеть, а просто ни к чему это, зачем делать зряшную работу и хоть на чуть-чуть лишний раз допустить риск попасться?

А сомнения закрались, когда в следующий раз увидел ту девку. Нет, теперь не похоже было, что это она. Лицом была, в общем-то, похожа, но это еще ни о чем не говорило. Каким-то образом ему удалось добиться того, что все эти его творения, невидимки, становились почти одинаковыми на лицо, и эта одинаковость лиц не давала отчетливо вспомнить ни одно из них. Да и, право, не приглядывался он тогда к их лицам, всегда держась от них на отдалении, чтобы и они тоже когда-нибудь не смогли толком припомнить его лицо. Если с какими девками и доводилось – вблизи, так это всегда бывало по ночам, ну а ночью все кошки серы.

Но вот осанка походка... Когда получше пригляделся к этой девки, увидел, что она и шею набок кривит, и при ходьбе слегка припадает на одну ногу. Попробовал бы кто из невидимок ходить вот эдак-то! Бывало, что и ноги себе калечили, а ходили так, что и не догадается никто, а иначе... Иначе очень бы пожалели, наказания там были жесткими. Или голову бы кто скособолил! Вместе с мясом и кровью из него эту привычку живо бы вышибли. За время обучения должны были в каждую клеточку войти навыки, как держать поступь и осанку. Нет, не мог невидимка, пускай даже бывший, ходить таким манером, как она, так что он был почти уверен – не она это, примерещилось.

Однако вот это вот «почти», слегка изнутри покалывало. Потому что получалось – не заподлицо. «Нет, надо еще раз за ней проследить», – решил он и, приняв это решения, переключился на мысли о приятном.

Когда денег наберется четыре миллиона, то рыжьи и брюликов, которых он тогда закупит, вполне достанет для вполне неплохой жизни там.

Где это, «там», он уже прочно для себя решил, когда прочел на немецком языке добытую с трудом книжицу под названием «Mein Kampf»¹⁰. Да, святая правда в ней была написана: что, мол, мир не для рохлей всяческих, хотя их и на свете и большинство; мир – он для сверхчеловеков. Здесь это мало кто понимает, а вот там...

Только там истинное место для таких, как он – сильных, смелых, не боящихся ни боли, ни холода, ни жары, умеющих такое, что другим и не снилось.

Жаль, конечно, что этих, беззвучно сидящих сейчас в подвале невидимок не удастся с собой увести. Увы, эти – всего лишь расходный материал.

Не беда! Там он новых сотворит, даже получше еще, чем эти. При желании можно сотворить целую нацию таких же сверхчеловеков...

А что! Неплохо задумано! В одиночку у него силенок на такое едва ли достанет; не беда – каждый невидимка может выдрессировать сотню подобных себе.

Неплохо придумано, автору той книжицы идея вполне может приглянуться!..

На дворе стоял мороз, здесь, в полусгоревшей развалюхе, было ничуть не теплее, чем на улице, но ему, сверхчеловеку, это не доставляло никаких неудобств. Так и начал засыпать, умиротворенный своими мыслями.

Третья глава

Слепень совсем рядом...

– Сейчас в окно тебя видела; что-то, я смотрю, ты прихрамываешь, – сказала Катя, когда Полина вошла в дом. – Что, нога болит?

– Да, слегка ушибла.

– Может, к доктору?

– Не надо никакого доктора, тетя Катенька, само пройдет.

– И еще хочу тебе сказать... Уж поскольку мы – с глазу на глаз... Что-то ты шею начала кривить. Такая красивая девушка, а за осанкой совсем не следишь.

– Да, да, тетя Катенька, я буду следить, обязательно! – Торопливо выпалила она. Потом как-нибудь объяснит, зачем на улице сотворила из себя такую хромоногую уродину, а сейчас...
– У меня тут новости! Дядя Юрочка и Викентий уже пришли?
– Пришли, пришли, а что?
– А то!.. Эй, все наверх! – крикнула Полина, как заправский боцман.

Когда через минуту все собрались, она достала из сумочки какие-то исписанные листки и сказала:

– Вот, сняла копии у себя в отделении. Я лучше сама вам прочитаю, а то у меня почерк плохой. Вот!..

Когда Полина закончила читать сводку о порхающих детишках, так ловко ограбивших сберкассы и здесь, и в соседних городах, она подняла глаза:

– Ну, что скажете?

Юрий спросил:

– Работа невидимок, по-твоему?

– А то! Кто бы еще смог вот так вот?

Все ошеломленно примолкли. Наконец Катя произнесла:

– Странно... Я думала, их всех, кроме тебя, – давно уже...

– Значит, новые вылупились! – воскликнула Полина. – И еще будут вылупливаться – слава богу, есть кому... То есть не слава богу, конечно, – но есть кому их сотворять!

– И – кому? – спросил Викентий.

– Не догадались еще? Это Слепень! Слепченко! Только он мог!.. Значит, я не ошиблась, он где-то здесь, рядом!

Викентий процедил со злобой:

– Ну всё!.. Я его, гада...

– Не вздумай! – перебила Полина. – Ты еще просто не знаешь его.

– Мы здесь тоже не пальцем сделанные, – огрызнулся он. – Уж как-нибудь...

– Знаю, знаю! – Полина погладила его по головке, как маленького, чего он вообще-то не любил. Чтобы он не дулся, добавила: – Знаю – ты у нас настоящий боец, десятерых стоишь, – но Слепень... Если ты стоишь десятерых, то он, наверно – сорока, уж я-то его видела в деле. Я и сама кое-чего стою, и никого никогда не боялась, а вот его – боюсь! Это страшный, самый, может быть, страшный человек... Если его вообще можно назвать человеком...

– И на него надеется пуля, – упрямо стоял на своем Викентий.

– Перестань! Он и приблизиться к себе не даст. Ты даже не представляешь! У него слух как у кошки! И видит он, как кошка, в темноте. А уж как стреляет – такого и в цирке не показывают!

– В общем, так, – подытожил Юрий, – без моего разрешения – никаких действий, все меня хорошо поняли?

Смотрел он при этом на одного только Викентия. Тот долго прятал глаза и наконец пробурчал:

– Да понял я, понял...

– Что ж, – проговорил Юрий, – значит, этот Слепень где-то тут, будем считать, что знаем это наверняка, и одно это уже неплохо. Кто информирован, тот вооружен. Поэтому переходим на режим чрезвычайного положения. Мои распоряжения будут такие...

Договорить, однако, он не успел, дверь открылась без стука, и в комнату по-хозяйски вступил человек с ястребиным носом. Это был никто иной, как самолично Червлёный, король здешних мест.

– Привет хозяевам, – проговорил он и опустил руку в карман своего полушубка.

Викентий тоже быстро сунул руку в карман, Полина вся напряжинилась, а Катя приоткрыла сумочку, где у нее обычно лежал маленький дамский пистолетик, из которого она умела стрелять с исключительной меткостью.

Червленный лишь ухмыльнулся на это и со словами:

– Не бойсь», – извлек из своего глубокого кармана бутылку водки. – Ну что, потолкуем по-хорошему? – без приглашения усаживаясь за стол, спросил он. – Дельце имеется.

Юрий поставил на скатерть два стакана (остальные домочадцы были непьющими) и уселся напротив Червленного.

– Если по-хорошему – чего бы и не потолковать, – сказал он.

– Нам уйти? – спросила Катя.

– Чего ж это? – отозвался Червленный. – Общий разговор. – Наполнил оба стакана, сам выпил (Юрий покуда воздержался) и, опять ухмыльнувшись, сказал: – А ловко вы моих ребятшек отделали! Вон, Сява до сих пор в больничке чалится. Так-то принимаете гостей...

– Так повежливее надо было, – сказала Полина.

– Правильно, мал?я, – согласился Червленный, – только людишки у меня – сама понимаешь. Время у них не было вежливости обучаться, с малых лет по лагерям, так что уж извиняйте ребятков. А ты, малая, ничего! Ребятки сказывали, умеешь как птичка порхать под потолком. Да и все вы так ничего себе, мне б таких пару-тройку...

– Вы говорили – дело у вас, – напомнил Юрий, – так приступайте.

– Вон какой быстрый... Да я, можно сказать, уже и приступил. Слыхали – сберкассу кто-то грабанул? Так вот, там тоже детишки летали под потолком, точь-в-точь как эта малая. – Он пристально взглянул на Полину: – Уж не твои ли, малая, знакомые?

Она только помотала головой.

– Или, может, у тебя обучались? – спросил Червленный. – И сам же ответил: – Знаю, не у тебя, вы тут все не такие будете, я об вас кое-что поразузнал.

– У кого? – напрягся Юрий.

– Не бойсь, не у красноголовых 11. Знаю, от красноголовых вы сами бегаете. Но оказалось, общие знакомцы у нас имеются.

– И кто ж эти знакомцы?

– А я тебе, чтоб долго не рассусоливать, только три словечка петушиных скажу – ты и сам сообразишь. – Он еще пристальнее взглянул на Юрия и произнес: – Ыш абарак бузык, – после чего снова ослабился, наблюдая за произведенным эффектом.

Эффект, действительно, получился немалый, и Юрий, и Катя, и Полина, и Викентий – все четверо разом вздрогнули, узнав эти знакомые слова. То был лозунг страшных подземных владык, короля нищих и императора помоек, Луки и Фомы, с которыми Катю и Юрия дважды, а Полину и Викентия один раз сводила судьба¹². По традиции считалось, что подземные монархи владеют языками всех народов и всех стран, где имеются помойки и нищие, то есть всеми языками вообще – существующими или когда-либо существовавшими, правда, проверить это не представлялось возможным, скорее всего это было легендой. А клич этот – «ЫШ АБАРАК БУЗЫК!» – взятый невесть из какого языка и объединявший их подданных, как Юрий Васильцев сумел понять, означал нечто вроде: «МЫ БЕДНЫЕ, НО МЫ ДУХОВНЫЕ», в общем, что-то наподобие «ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!», но только совершенно всеохватное. На основании этого «ыш абарак бузык» можно было сплотить любую голь, будь то здесь, или в гитлеровской Германии, или где-нибудь в угнетенной Африке.

Неужто и Червленный со своими уголовниками тоже числил себя подданным этих монархов?

Чутьем Червленный угадал безмолвный вопрос Юрия и сказал:

– Не боись, четырехглазый, папашкам этим я не служу. Червленный вообще никому не служит – сам себе и король, и император, а вот малявами, бывает, обмениваемся. В общем,

кой-какие справочки об вас навел и знаю – серьезные вы ребята, вон даже прошлых папашек вы замочили. Вот и пришел сказать – и Сява, и Паленый, и Череп к вам не в претензии. Живите сами по себе, торгуйте своим рыжем и брюликами. Если от блатных будут какие вопросы, скажите – Червлёный самолично дозволил. И вообще дозволил жить самим по себе.

– Мерси, конечно, – встряла Полина, – но мы себе жили кое-как и без дозволения.

Не повернув головы в ее сторону, глядя только на Юрия, Червлёный сказал:

– Ты, четырехглазый, тут, я так понимаю, за пахана; так чего эта малая наперед батьки лезет?.. Ладно, коль такие у вас порядки, живите, как живете... Я еще чего хотел: я насчет гавриков этих, что в сберкассе «медведя»¹³ взяли... – Он наконец повернулся к Полине: – Слышь, малая. Ежели они кувыркатся умеют, как ты, – так может, и выучка у вас общая? Ты этому у кого обучилась?

Полина хмуро ответила:

– Были учителя... – и на том примолкла.

– Ясное дело – были, – сказал Червлёный. – Ладно, не хочешь говорить – не говори. Душой чую – это тот самый фрей с бородой, что хотел у меня рыжью прикупить; а денежки-то у него откудова? Из того самого «медведя» небось...

Юрий, Катя, Полина и Викентий едва не хором спросили – что, мол, за «фрей». Червлёный на это ответил:

– Нахальный фрей, напористый, борода хоть и убедительная, но все равно приклеенная, я это сразу раскусил. И парик был на башке – с этим меня тоже не обманешь. А уж что там у него под бородой и париком – это, я так почему-то мыслю, вам лучше знать... Ладно, бывайте, хозяева, я что имел, то сказал. Ежели что – обращайтесь. – С этими словами, оставив на столе едва початую бутылку, Червлёный вышел в начинавшуюся пургу.

Полина вся дрожала.

– Я же говорила – он здесь! – воскликнула она.

– Ничего, и его обломаем, – храбрясь, произнес Викентий.

– Будем пока все держаться вместе, – сказала Катя, – все вместе мы кое-чего стоим.

«Кое-чего» они стоили и каждый по отдельности, а уж вчетвером представляли собой грозную силу, однако Катини слова Полину ничуть не успокоили.

– Слепень тоже кое-чего стоит, – проговорила она. – Боюсь, побольше, чем даже мы вчетвером...

Немыслимо! Полина, несколько раз пережившая смерть, закаленная «невидимка», в прошлом профессиональная убийца, кажется, впервые по-настоящему чего-то боялась! Юрий пытался подыскать слова, чтобы хоть немного успокоить ее, но в этот миг в дверь постучали.

Все четверо вздрогнули, Катя снова приоткрыла свою сумочку, а Викентий под столом обнажил свой наган.

– Войдите, – сказал Юрий, тоже нащупав в кармане парабеллум. Но когда человек в запорошенной снегом одежде переступил порог, он сразу вытащил руку и удивленно произнес: – Вы?..

Это был Николаев, их спаситель. Впервые Юрий видел его в форме, с красными лампами, в каракулевой папахе. Оказывается, их ангел-хранитель был генералом!

От Н. Н. Николаева не ускользнули движения их рук.

– Все в сборе? – спросил он, снимая шинель. – И, я смотрю, даже с пушками наготове. Что ж, в данный момент это совершенно правильно. Значит, уже догадались, из-за чего я тут?

– Из-за Слепня? – спросила Полина, лишь с появлением генерала Николаева переставшая дрожать.

– Как всегда, догадливая, – улыбнулся генерал. – Ну еще, конечно, и из-за вас. Хотел об опасности предупредить, но вы, я вижу, и сами уже все знаете. – И со словами: – Береженого

бог бережет, – выключил свет. В наступившем полумраке эти его слова прозвучали особенно зловеще.

Юрий спросил:

– Вы думаете, он может быть рядом?

– Не знаю, не знаю... – сказал Николаев. – От этого можно чего угодно ожидать.

– Он новых невидимок сотворил, – торопливо заговорила Полина, – это они сберкассу обчистили.

Николаев кивнул:

– Знаю – я только что от полковника Ничипоренки. Он уже все свои силы бросил, завтра весь город будут прочесывать, а куда велел нынче же перекрыть все дороги и вокзал, хотя я не уверен, что это даст какой-нибудь результат.

Полина хмуро сказала:

– Он все равно уйдет, у этого гада, у Слепня знаете какая выучка! И у детишек, если он их обучал, тоже неслабая.

– Да уж могу догадаться, – сказал Николаев. – Кстати, до сих пор не могу понять, как эти детишки там, в сберкассе, на миг всех ослепили, может, ты знаешь?

– Тоже мне фокус, – буркнула Полина.

Она раскрыла свою сумочку, что-то из нее достала, потом распахнула сжатую ладонь – и сразу все в комнате ослепли на несколько мгновений от яркой вспышки.

Когда вновь прозрели, она объяснила:

– Порошок магния. Это придумали еще японские нинзи, а Слепень взял на вооружение. Все невидимки этот порошок всегда имеют при себе. Проверено: на сорок секунд у всех полное ослепление... А видели бы вы, как этот Слепень владеет рукопашным боем! Но такому надо учиться лет десять, вряд ли он своих детишек всему обучил.

– Да, знаю, опытный... – сказал Николаев. – Если б он был один, то, пожалуй, и ловить бессмысленно. Одна надежда, что он со своими детишками, с невидимками этими, станет уходить; все-таки когда целой гурьбой – то это труднее... Хотя не думаю, что он их станет с собой брать...

– Вы думаете, он их... – Полина не договорила.

– Да, это было бы в его духе, – отозвался генерал. – Тем более, что у него наверняка есть запасные невидимки, прячет их где-нибудь в другом городе, куда и сам намылился. Ему непервой. И в Ростове, и Воронеже, где недавно тоже кассы брали, по четыре детских трупа обнаружено.

Викентий процедил сквозь зубы:

– Вот же гад!

Николаев определил это по-своему:

– Да, избытком гуманизма не страдает. Думаю, их участь уже решена.

– Значит, по-вашему, он уже ушел? – спросила Полина с некоторой надеждой. Этого Слепня она боялась больше всех присутствующих.

– Если еще не ушел, – сказал Николаев, – то уйдет не сегодня – завтра, по два раза он в одном городе кассы не грабит. В общем, пару дней вам надо соблюдать максимальную осторожность, особенно тебе, Поленька.

– Думаете, может еще прийти по мою душу?

– Во всяком случае, не исключаю такой возможности. Он устраняет всех, кто был так или иначе связан с проектом «Невидимка», вон, даже слепого комиссара Палисадникова недавно застрелил.

– Одной сволочью на свете меньше, – пробормотала Полина. И тут же добавила обреченно: – Он и меня достанет, я его, гада, знаю.

– Зубы обломает, – сказал Викентий уверенно, однако Полину явно этой своей уверенностью не заразил, она сидела все с тем же обреченным видом.

Между тем, генерал Николаев, не слушая их, подошел к окну и стал пристально вглядываться в пургу.

– Что там? – спросила Катя.

– Не знаю... или мне кажется... – проговорил генерал. И совсем уж по-генеральски приказал: – Оружие к бою! Придется сделать вылазку, – с этими словами он извлек из кобуры пистолет.

Все последовали его примеру и с оружием наизготовку двинулись к двери.

Было уже темно. Генерал включил фонарик и, приказав:

– Страхуйте меня, – от крыльца направился к ограде.

Там, у ограды, в свете фонарика нечетко вырисовывался какой-то холмик, имеющий очертания...

– Черт! – воскликнул Юрий и устремился туда, где стоял генерал.

Тот уже счищал нап?давший снег, и можно было разглядеть, что снег этот прикрывал человеческое тело.

Это был Червленький, Юрий узнал его по ястребиному клюву. Он лежал на спине, открытыми, но уже пустыми глазами глядя в небо, а во лбу у него была видна маленькая дырочка.

Поля тоже подбежала, и произнесла то, что и без того было всем ясно:

– Это Слепень, он был тут!.. У него пистолет с глушителем, никогда с ним не расстается... Может, он и сейчас где-то рядом...

– Едва ли, – сказал Николаев. – Будь он рядом – сейчас всех бы нас положил, вон, мы все на виду.

– Да, конечно, положил бы, – кивнула Полина. – Хорошо, вы свет вовремя погасили, а то он бы точно всех бы нас через окно перебил.

– Давайте все же – в дом, – скомандовал генерал.

Когда снова сидели в темной комнате, Катя, чтобы как-то отвлечь Полину, тихо сказала ей:

– А ты молодец – головку теперь прямо держишь. И смотрю, не хромаешь уже. Что, больше не болит, прошло?

– При таких делах все пройдет, – не вдаваясь в лишние объяснения, ответила Полина. И сказала уже для всех: – Наверняка он слышал все, о чем мы тут говорили.

Юрий усомнился:

– Вряд ли. Через двойные-то окна...

Но Полина воскликнула:

– Да для него, для Слепня, это плевое дело! Любой невидимка сумеет, нас этому учили. На то специальный слуховой приборчик есть, и у меня такой был. А Слепень с ним никогда не расставался, и нас всех в школе невидимок по ночам прослушивал, всегда знал, о чем мы шепчемся.

– Да, видать, вправду все слышал, – вздохнул генерал Николаев, – тут мы с вами дали маху. Стало быть, слышал, что милиция сейчас перекрывает все дороги. Поэтому и заторопился, не стал нас у дома поджидать.

– Значит, слинял, гад, – разочарованно проговорил Викентий.

– Да, слинял, похоже на то, – отозвалась Полина. Она была единственной из них, у кого это обстоятельство явно не вызывало никакого огорчения.

* * *

Тем временем тот, о ком они говорили, тайком, обходя освещенные улицы, пробирался к своему погорелью.

Войдя в хибару, он достал из-под стола котелок с холодной кашей, посыпал эту кашу имевшимся у него порошком, перемешал и с котелком в одной руке, с фонарем в другой спустился в ледяной подвал, где спали четверо его невидимок.

Спали чутко, видна была его школа – едва в подвале блеснул свет от фонаря, сразу повскакивали с ножами наизготовку. Да, неплохой был материал, даже жаль немного.

– Сидеть! – приказал он. И, поставив перед ними котелок, сказал: – Нате, жрите.

С голодухи (не ели-то уже больше суток), накнулись на котелок, застучали ложками.

«Ну вот и все, – подумал он, поднимаясь наверх, – это дело сделано». Правда, теперь придется в одиночку уволакивать эти мешки с деньгами, но к этому он был готов. Переложил все пачки денег в один огромный ранец, специально на такой случай припасенный, легко надел его на плечи, рассовал по карманам свои немногие причиндалы и быстро вышел.

Конечно, жаль было, что девку ту не пристрелил, да остальных вместе с генералом – тоже, но ждать, когда те выйдут (а выйти могли и к завтраму), было слишком опасно. Да в сущности, и нужды в том особой теперь не было: генерал-то – бывший сотрудник Лубянки, он его сразу узнал; стало быть, там, в конторе, и так уже знают, что он жив, так что класть тех, из Нахаловки, – лишнее художество. Определенную опасность представляла только девка, ибо могла знать его в лицо.

Впрочем, какое лицо она могла тогда, по ночам, разглядеть? А днями если и видела его на свету, то совсем издали, так что вряд ли сумеет его опознать. Да если б даже и сумела – где, где она теперь увидит его? Скоро, совсем уже скоро он будет там со своим золотишком и брюликами. Поскорей бы туда...

Поначалу думал пробраться туда во время войны, при всеобщей неразберихе, – в том, что война будет, и будет скоро, он, несмотря ни на какие пакты, совершенно не сомневался, как и большинство здесь живущих, – но иди знай в точности, когда начнется эта война, может, через пару месяцев, а может, и через год. И недавно он решил, что подкопив еще немного денег и прикупив на них все что надо, – а произойдет это через два месяца, как он для себя постановил, – он независимо ни от чего свалит туда.

В мирное время тут, правда, граница на замке, но не придумали еще нигде в мире такого замка, чтобы его удержать.

Уйдет! Да т?к уйдет, что и там об этом услышат! Этот уход станет как бы верительной грамотой, грамотой настоящего сверхчеловека!

Ну а сейчас... Дороги они, вишь, перекрыли! Так он-то уж как-нибудь – лесом, лесом...

* * *

Когда на другой день стало известно, что при прочесывании города в подвале обгоревшего дома обнаружены трупы четырех малолеток, отравленных сильнодействующим ядом, и окончательно ясно сделалось, что Слепень ушел, настроение у Полины несколько улучшилось, однако целиком страх все еще не проходил – этот дьявол в любой миг мог и вернуться по ее душу. Еще долгое время ходила по улице с опаской, держа пистолет в муфточке. .

Лишь через два месяца, в апреле, Юрий Васильцев по делам техникума съездил в командировку в Москву, встречался там с генералом Николаевым и привез известия, прочитанные им в сов. секретных сводках. Как он рассказал, в одной из этих сводок говорилось, что в городе Бресте, который рядышком с западной границей, была известным способом ограблена сберкасса, а на другой день там же, в Бресте, в подвале заброшенного дома нашли четыре трупа детей, отравленных газом. В другой же сообщалось, что через день после ограбления кто-то перешел государственную границу, голыми руками убив при этом четырех вооруженных автоматами пограничников и трех обученных служебных собак.

Вот тогда только Полина уверовала, что Слепень не вернется уже сюда за ней, ибо оттуда, как известно, не возвращаются. К тому времени как раз весьма кстати и на муфточку вышел сезон.

Викентий, узнав о том от Юрия, был зол, все жалел, что теперь никогда не сможет поквитаться за нее со Слепнем, а она, Полина, была невероятно рада этому известию, означавшему, что она этого дьявола никогда больше не увидит.

Но только тут они оба, и она, и Викентий, сильно ошибались.

Четвертая глава

Без названия

Воскресным днем, когда Юрий и Катя возвращались домой с базара, из «тарелки» на городской площади донеслось: «Слушайте правительственное сообщение! Слушайте правительственное сообщение!..»

Сразу прихлынула большая толпа. Все молча выслушали выступление Молотова. А мальчишки уже бежали по улице и кричали:

– Война! Ура-а-а! Война!..

Они с Катей в этом государстве были изгоями, вынужденными жить под чужими именами, но сразу оба поняли, что эта война будет не во имя спасения власти «усатого пахана» и его камарильи, а во имя чего-то гораздо более дорогого, что они вслух не называли, поскольку оба не любили произносить высокопарные слова.

На другой день все четверо, и Юрий, и Катя, и Полина с Викентием уже стояли в длиннющей очереди перед военкоматом. Впрочем, он, Юрий, пошел туда, в общем-то, скорее за компанию – с его хромотой и со зрением минус шесть едва ли можно было на что-то рассчитывать.

Не призвали, однако, всех четверых – его, Юрия, по понятным причинам, Кате и Полине было сказано, что до женщин очередь еще не дошла, а у Викентия медкомиссия обнаружила нелады с легкими – напомнили о себе и беспризорное детство, и побег из пересыльного лагеря, когда он два месяца, голодая, пробирался через тайгу. Знали бы там, что они вчетвером стоят по меньшей мере взвода, а то и поболее бери.

Ну, правда, Полина и Викентий напоследок устроили им... Ах, дети, дети! Вначале хай подняли, а когда их попытались силой вывести из военкомата... Долго еще у военкоматовских синяки будут проходить, и мебель, наверно, новую приобретать придется, а двоих неотложка увезла – вправлять вывихнутые руки и челюсти. А когда милиция приехала, они выпрыгнули в окошко со второго этажа и были таковы.

Юрий думал: ну вот, сейчас приедут их арестовывать, адрес-то свой нахаловский они в военкомате засветили. Но то ли из-за всеобщей неразберихи, то ли по распоряжению полковника Ничипоренки никто этого, слава богу, делать не стал.

– Очередь, понимаешь, у них до женщин не дошла! – уже дома бурчала Полина. – Дойдет она у них, как же! Может, через полгода! К тому времени война уже давно кончится!

Ни Юрий, ни Катя не стали ей возражать, хотя оба душой чувствовали, что полугодом дело никак не обойдется.

* * *

Из документов первых дней войны¹⁴

Опыт первого дня войны показывает неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе больших начальников...

...Раненых с поля боя не эвакуируют, отдых бойцам и командирам не организуют, при отходе скот, продовольствие оставляют врагу. .

Из директивы Военного совета
Западного фронта от 23 июня 1941 г.

—

Командующему 10-й Армией.

Почему механизированный корпус не наступал, кто виноват? Надо бить врага организовано, а не бежать без управления.

...Найти, где 49-я и 113-я стрелковые дивизии, и вывести. Исправьте свои ошибки...

—

...Большинство военных было уже без оружия... Под вечер 24 июня уже встречались солдаты, переодетые в гражданскую форму...

—

...Вероятно, персонал, поспешно всё бросив, бежал, и поэтому из госпиталя к дороге двинулась колонна раненых, многие из которых были на костылях, двигались с трудом. Толпа перебинтованных и окровавленных людей остановилась на обочине дороги, многие из них стали умолять: «Братишки, не бросайте нас, заберите с собой».

Никто не отзывался на мольбы о помощи. Тогда группа раненых вышла на проезжую часть дороги, перегородив её своими телами. Несколько автомобилей с находящимися в них гражданскими людьми с разбегу врезались в толпу. Раздался треск костылей, хруст человеческих костей, образовалось кровавое месиво кричащих и стонущих людей, но на них никто внимания не обращал – машины спешили на восток...

—

Положение фронта.

8-я армия, понёсшая 40% и более потерь, отходит на северный берег Зап. Двина.

2-я танковая дивизия, видимо, погибла. Положение 5-й танковой дивизии и 84-й моторизованной дивизии не знаю.

11-я Армия как соединение не существует.

Положения 5, 33, 188, 128, 23 и 126-й стрелковых дивизий не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.